

ВРЕМЯ «Че» — РУБЕЖ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Оно неизбежно наступает, хотим мы этого или нет, ждем мы его или нет, хотя ничего «чрезвычайного» может и не происходить. Но время чревато, пусть и сугубо условными, «круглыми датами», а столетний юбилей на переломе тысячелетий «чрезвычайно» уж тем, что не часто случается. По этому поводу нужно подводить некоторые, хотя бы промежуточные итоги.

Ровно сто лет тому назад глазам «изумленного человечества» из-под заступов землекопов известного тогда уже киевского археолога-аматора Викентия Викентиевича Хвойко были явлены миру первые изделия (звонкая серая блестящая керамика и прочее), произведенные некогда обитателями Поднепровья, носителями археологической культуры, получившей позже название «черняховской».

Строго говоря, она должна была бы носить название ромашковской, потому что именно могильник Ромашки раскапывался в 1899 году, раскопки же у села Черняхово начались год спустя, и юбилей следовало бы отмечать в 2000 году. Но так уж сложилось, что закрепилось второе название, менять его не стоит даже в случае времени «Че», а юбилей, отмечаемый в 1999 году, — лишь попытка восстановить толику справедливости.

В.В.Хвойко, извлекая из земли знаменитый ромашковский кувшин с загадочными пиктограммами из оттисков штампов в виде розеток, квадратов и пр., был уверен, что «пожимает руку» своим непосредственным предкам-славянам, хотя и жившим за 1600-1700 лет до него.

Но, когда информация об открытиях Хвойко достигла Западной Европы, такой крупный специалист как Пауль Райнеке, заметил поразительное соответствие черняховских древностей общеевропейскому облику культур римского времени — сходные виды фибул, пряжек, гребней, стеклянных кубков, гончарной посуды и пр. Отметил он также совпадение времени существования черняховской культуры и данных письменных источников о пребывании в Причерноморье готов. Небольшая заметка Пауля Райнеке 1906 года «Из русской археологической литературы» ознаменовала зарождение знаменитой черняховской дискуссии, хотя разгорелась она значительно позже и пик ее остроты приходится на время «Хрущевской оттепели» второй половины пятидесятых — шестидесятых годов.

Музы, как известно, молчат, когда говорят пушки, и в период лихолетий революций и двух мировых войн Клио в отношении черняховской культуры тоже преимущественно молчала, хотя отдельные высказывания на ее счет мелькали на страницах различных, чаще околонуточных, изданий и нацистская пропаганда даже использовала, в частности, «черняховский аргумент» для территориальных претензий.

После Второй Мировой войны, при «отце народов», знатоке национальных проблем и этнических чисток, дискуссии о гето-славянской дилемме не могло быть, могла быть лишь «проработка оппортунистов» да критика «реакционных измышлений буржуазных ученых». К счастью, черняхововедению в те годы удалось избежать «чисток рядов», славянская принадлежность черняховской культуры была общепринятой догмой, скептики, если они и были, помалкивали, «апокрифы», если они и были, лежали в столах.

Первым в омут официоза бросил камень в 1956 году М.И.Артамонов в своем докладе на Научной сессии исторических наук ЛГУ. В разделе, касающемся черняховской культуры, он еще раз продемонстрировал гето-черняховское хронологическое совпадение, отметил западные связи. Его выступление вызвало бурную реакцию. Подавляющее число археологов-славистов было против, многие возмущались (задевались национальные чувства), но были и сторонники, главным образом представители «скептической ленинградской школы». Дискуссия развернулась на специально собираемых совещаниях по черняховской проблематике (таковых было три), на других конференциях и сессиях, на страницах научных журналов, в кулуарах, в беседах за столом и пр. Эмоциональный накал доходил до личных выпадов, оскорблений и даже рукоприкладства.

То оживляясь, то притухая, дискуссия растянулась на десятилетия. Не изжита она еще и сегодня. Здесь нет необходимости излагать перипетии дискуссии, они уже достойные историографии, но невольно задаешься вопросом: почему исследователи, оперировавшие, казалось бы, одним и тем же объемом археологического материала, одними и теми же историческими данными, приходили к диаметрально противоположным выводам? В чем причина?

Можно было бы думать, что в основе лежат противоречия между «диссидентами» эпохи «оттепели» и «застоя», с одной стороны, и сторонниками советского традиционного «официозного автохтонизма», с другой стороны, что, безусловно, имело место. Но кончилось давление «власти советов», а черняховская дискуссия не затухла окончательно, хотя и утратила частичную свою остроту.

Значит, причины разногласий следует искать в более глубоких пластах подсознания, тех, что вызывали в свое время отчаянные споры «западников» и «славянофилов». А они, в свою очередь, обеспечивались своеобразным геополитическим положением России между Европой и Азией. Эту мысль можно было бы развить и конкретизировать, но вряд ли это уместно в данном контексте. Важно лишь осознание того факта, что мы не можем в силу специфики нашего сознания быть до конца объективными, но именно это осознание может позволить нам быть более объективными в деталях.

Возвращаясь к черняховской дискуссии, следует отметить, что новые археологические открытия шестидесятых-восьмидесятых годов «работали» скорее в пользу «западников», чем их оппонентов. Не выдержала критики попытка поднять верхнюю дату черняховской культуры до VI-VII веков и сомкнуть ее тем самым с «древностями антов», были открыты реальные памятники антов и других славянских племен, весьма отличные по всем параметрам от черняховских, были выявлены затем и протославянские древности в виде киевской культуры и постзарубинецких памятников горизонта Рахны-Почеп. Обнаружение вельбаркских памятников типа Брест-Тришин -Дытыничи на Украине фиксировало продвижения населения с северо-запада на пути готов в Причерноморье, отдельные находки все четче очерчивали диагональ постоянных связей между Балтикой и Черным морем.

Любая дискуссия полезна, поскольку заставляет участников проверять, верифицировать аргументацию оппонентов, но эмоциональность и острота споров по поводу черняховской культуры в пятидесятых — семидесятых годах явно вела в тупик. Участники дискуссии попадали в ситуацию героев известной восточной притчи: «Если это плов, то где же кошка, если это кошка, то где же плов?». Если черняховская культура славянская, то где же готы, присутствие которых в Причерноморье достаточно хорошо фиксируется письменными источниками, если она готская, то где же славяне III-IV веков, наличие которых для IV века под именем венетов и антов тоже достаточно хорошо зафиксировано?

Первым компромиссным вариантом выхода из патовой ситуации предложил П.Н.Третьяков, выдвинув тезис о «несостоявшейся народности». Сам он этот тезис, впрочем, не конкретизировал.

С восьмидесятых годов практически все

участники дискуссии начали понимать безнадёжность крайних позиций «или-или». Ныне уже нельзя отрицать сам факт продвижения населения с Балтийских берегов к берегам Черного моря. Но мыслится этот процесс иначе, чем в пятидесятые годы.

Тогда искали следы массивированного одноразового броска, теперь же ясно, что все было много сложнее. Первые германские скауты появлялись, вероятно, в Причерноморье еще в конце первого и в течение второго столетий. Во всяком случае, следы черноморско-балтийских, сармато-германских контактов улавливаются археологически.

Процесс же постепенной «ползучей миграции» с колонизацией земель, «заселенных слабо или заселенных слабыми», начался позже, во второй половине II века и был стимулирован, возможно, движениями «*superiores barbari*», участников Маркоманнских войн. Не исключено, что некоторые из тех вельбаркцев, что появились на Украине, успели поучаствовать и в событиях в Центральной Европе.

Теперь достаточно ясно также, что среди продвигавшихся на Украину переселенцев были не только вельбаркцы из Поморья и Мазовии, но и выходцы из других частей Северной Европы, не только готы из «Готисканзы», но и представители других германских и не германских племен Европы. Процесс смешения племен был сложным и в какой-то мере напоминал происходившее при колонизации Америки. Сначала были Колумбы, конкистадоры и Дрейки, искатели приключений, и лишь затем потянулись фермеры-колонисты, выходцы из самых разных уголков Европы, приток эмигрантов, как известно, не иссяк до сих пор.

Никто сегодня не станет отрицать участие в процессе формирования черняховской культуры и местного причерноморского населения — сарматов, поздних скифов и потомков носителей зарубинецкой культуры, представленных памятниками различных групп постзарубинецкого горизонта, включая и зубрецкую группу. Отдельные местные элементы — сарматские погребальные обряды, постзарубинецкие формы керамики — прослеживаются на черняховских памятниках, но нельзя сказать, чтобы они были многочисленны и хоть в какой-то мере определяли облик черняховского новообразования.

Никто не станет сегодня настаивать и на прямом перерастании вельбаркской культуры в черняховскую. Последняя, безусловно, явление новое, возникшее в условиях новой этно-политической ситуации Причерноморья. Продвижение населения с северо-запада было лишь одним из условий создания этой ситуации. Другим условием было, по всей вероятности, участие части создателей новой общности в «скифских» или «готских» войнах середины III века и установление тесных связей с Империей, причем для оформления внешнего облика новой

культуры более существенными оказались контакты не столько с греками причерноморских городов, лежавших после событий середины III в н.э. в развалинах, сколько с провинциально-римской легионной культурой Дунайско-Рейнского лимеса. Черняховская культура выглядит как часть этого культурного мира. Черняховская эпоха в истории Восточной Европы была «западнической».

К сожалению, у нас в руках пока нет инструмента, позволяющего подсчитать реальный удельный вес пришлых и местных элементов в составе населения гетерогенной черняховской культуры, споры на этот счет не имеют смысла, но факт гетерогенности, полиэтничности, со свойственным образованиям такого рода двух-трехязычием населения, допускается теперь практически всеми участниками дискуссии, хотя у них и нет возможности конкретизировать это положение.

Тем не менее черняховская культура на удивление монолитна и гомогенна во всем ареале от Клуца до Курска, от Луцка до Харькова и Одессы. Чем же обеспечивалось это единство? Окончательного ответа не существует, но можно предположить, исходя из геополитической ситуации эпохи, что обеспечено оно было властью готских королей, создавших своего рода империю, «Империю Германариха», хотя сам он был лишь заключительным и последним звеном в процессе формирования этого культурно-политического единства.

Если прибегнуть опять к спорной современной аналогии, то можно думать, что «Черняховская Империя» представляла собой нечто вроде империи Советского Союза, тоже полиэтничного политического образования, где разнообразные этносы и национальные культуры были перекрыты вуалью единой «совковой» культуры, делавшей их весьма отличными от соседей, этнически более близких, но не входивших в СССР. Здесь тоже шел процесс интеграции в единый советский народ, и процессу этому тоже не было суждено завершиться.

Все это, однако, из области теоретических рассуждений и исторических интерпретаций и призвано было лишь продемонстрировать те перемены в «парадигмах мышления», которые произошли в сознании специалистов в черняхововедении за последние годы.

Что же касается вещей более конкретных, то основной «прорыв» произошел в восьмидесятых-девяностых годах в области хронологии черняховской культуры. Начало ему положила книга Казимежа Годловского, изданная в 1970 году на английском языке, наиболее доступном советским специалистам. В ней были изложены основные положения и выводы европейской хронологической системы римского времени, рассыпанные доселе по разным изданиям и многим в силу этого недоступные. Теперь же черняхововеды получили возможность «прислонить» свои хронологические расчеты, до того сугубо интуитивные, к более строгой и разработанной европейской системе.

Кроме того, она наглядно демонстрировала преимущества и достоинства методов корреляции и горизонтальной стратиграфии.

Последовал ряд работ Т.А.Щербаковой и М.Б.Щукина, Е.Л.Гороховского, М.Казанского и Р.Легу, О.В.Шарова, И.А.Бажана и О.А.Гей. В результате казавшийся единым и неделимым в хронологическом отношении массив черняховской культуры удалось подразделить на ряд этапов развития.

Создатели внутренней хронологии черняховской культуры отнюдь не во всем согласны друг с другом, но это уже детали, о которых еще долго будем спорить. Главное в другом: состоялся «прорыв» на принципиально новый уровень исследования. Теперь мы можем отличать ранние памятники черняховской культуры от поздних, можем проследить динамику их развития и распространения, сопоставлять этапы с соответствующими историческими событиями и т.д. И вся эта увлекательная работа еще впереди, в новом столетии изучения черняховской культуры.

Марк Щукин